

Ханьская династия — это единый род, как же можно допустить, чтобы родовое пламя погасло в твоих собственных руках?

Когда перед тобой встает та же развилка, что и перед отцом, какой выбор сделаешь ты, Хань Бинхуань? — спрашивал он сам себя.

Если, подобно отцу, колебаться и не суметь отпустить ни того, ни другого, то финал окажется ничем не лучше нынешнего, и это принесет лишь боль — и жене, и тому человеку.

Нужно выбрать кого-то одного. Но кого?

Перед глазами вновь возникло знакомое улыбающееся лицо. Хань Бинхуань запаниковал. Впервые в жизни он ощутил такую растерянность, что даже зрачки его мелко дрожали.

— Не иди по стопам Бо Тана, — Чжан Фэн медленно поднялся и вытер лицо. — Решился — руби.

Как человек, прошедший через это, он многозначительно взглянул на Хань Бинхуаня. Слухи о связи командующего Цзиньвэй и главы Дун-чана уже давно гуляли по всем улицам и переулкам, а сегодня, взглянув на него, Чжан Фэн понял: дыма без огня не бывает.

Чжан Фэн испытывал одновременно жалость и бессилие. Ох, Бо Тан, Бо Тан, твой сын не только внешностью пошел в тебя, но и характером.

Спустившись с горы в подавленном состоянии, Хань Бинхуань тяжелой поступью направился напрямик в Дун-чан. Ему не терпелось увидеть того человека. Стоило пройти всего несколькими часам, как он уже начал отчаянно тосковать по теплу его ладоней.

Сюй Сы всю дорогу дулся, словно еж, и вернулся в Дун-чан в ярости. Все вокруг казалось ему не таким, он сверлил взглядом каждого встречного, и от этого взгляда у прислужников подкашивались ноги. Никто из них не смел даже дышать слишком громко. Взмахнув рукавами, Сюй Сы заперся у себя в комнате.

Да что за чертовщина происходит? Он закинул ногу на ногу, развалившись на кровати, и сердито уставился на аляповатый узор на пологие, словно это было лицо Хань Бинхуаня.

— Ишь, выискался, презирает он евнухов! Подумаешь, великий господин! — он долго сверлил взглядом потолок, пока глаза не заболели. Схватив одеяло, он смял его в комок и начал колотить, как боксерскую грушу, сопровождая каждый удар проклятиями: — Не ожидал, что ты такой ограниченный, Хань Бинхуань! Занимаешься гендерной дискриминацией!

Сказав это, он замер. А евнух — это вообще какой пол?

— Плевать! Это у тебя расовая дискриминация! Попользовался и бросил! Настоящий подлец!

Бедное одеяло под его напором превратилось в жалкий, измятый комок. Сюй Сы, у которого от усердия заболели руки, отшвырнул его в сторону. Полежав немного, он снова вскочил, схватил одеяло и начал старательно разглаживать, приговаривая: — Ладно, ладно, ты — моя цель, ты тут главный. Ты мой кормилец и высокопоставленный спонсор, в чьих руках моя единственная ниточка к спасению. Делай что хочешь, лишь бы ты был доволен.

Только он успел унять гнев, как на подоконнике послышался легкий стук. Игнорируя все

правила приличия, перед ним возник Хань Бинхуань, весь промокший насквозь.

От него веяло сыростью, а ледяной взгляд, пронзавший его сквозь мокрые пряди волос, был глубоким, острым и холодным, как бездонный омут. Сюй Сы сглотнул. Он только что поливал его грязью, поэтому чувствовал себя немного не в своей тарелке и невольно отводил глаза.

Но этот испуганный вид в глазах Хань Бинхуаня отозвался такой болью, будто кто-то с силой сжимал его сердце.

Он злится на меня? Из-за того, что я не выбирал выражений, унижая евнухов?

Атмосфера стала тяжелой. Сюй Сы, чувствуя себя как на иголках, заерзал и, осознав, что до сих пор глупо сжимает в руках одеяло, поспешно отбросил его и спрыгнул с кровати.

— Ты чего... — он едва успел обуться и выпрямиться, как его заключили в объятия, холодные, словно человека только что достали из ледника.

Сюй Сы был поражен: до чего же он холодный.

— Прости, — голос, доносившийся до его уха, лишился своей ледяной резкости, став до невозможности хриплым. Горячее дыхание коснулось ушной раковины, и Сюй Сы, почувствовав, как кончики ушей загорелись, слегка поморщился.

— Я презираю евнухов, но не могу презирать тебя, — сердце Хань Бинхуаня билось сильно и часто, и этот ритм заставил Сюй Сы на мгновение потерять связь с реальностью. — Презирать тебя — боюсь, я никогда не смогу.

Презирать тебя — боюсь, я никогда не смогу.

Сюй Сы дважды моргнул.

Если перевести эту фразу на человеческий, значит ли это, что он меня не презирает? Значит ли это...

Что я тебе нравлюсь?

Так ведь? Я ведь правильно понял? С чтением между строк у меня вроде проблем нет? Сюй Сы на секунду усомнился в своей адекватности, тщательно переваривая услышанное...

Охренеть! Это что, признание? Эта каменная глыба наконец-то пробита моими духами с ароматом пиона? Сюй Сы был готов разрыдаться от счастья, он поспешно поднял глаза, чтобы проверить уровень шкалы, но обнаружил... что она не сдвинулась ни на процент!

Сюй Сы: «...»

Брат, меньше пафоса, больше искренности. Твои показатели как скала, ни на йоту не шелохнулись, как мне поверить, что мое чистосердечие тебя тронуло?

Он только хотел съязвить, как вдруг плечи его отяжелели — Хань Бинхуань навалился на него, словно гора. Сюй Сы не мог увернуться, а если бы попытался, то мог навредить ему, так что он послушно стал живой подушкой.

Хань Бинхуань потерял сознание. Его тело было ледяным, а лоб горел так, что на нем можно

было жарить яичницу.

— Вот и выпендривайся в дождь без зонта, — проворчал Сюй Сы, перенес его на кровать, раздел, укрыл одеялом, подоткнул края и позвал слуг приготовить жаропонижающее.

Вечером гвардейцы Бэйчжэньфусы стояли на ушах.

— Как же так, весь день нашего начальника не было видно? — недоумевал один из них.

— Человек, который триста шестьдесят дней в году лично обходит ведомство, явно попал в беду, — лицо второго было полно тревоги.

— Триста шестьдесят? А остальные пять? — спросил третий.

— Остальные пять дней император, жалея его, принудительно отправляет его на отдых.

— Ох, господин Хань — поистине чиновник образцового усердия, — вздыхали гвардейцы.

— Но ведь сейчас не середина года, почему же господина до сих пор нет?

Гвардейцы, подперев подбородки, пребывали в глубоком унынии.

Чжао Сю, проходя мимо, поднял взгляд к небу. Вернувшись после дела в ведомство, он случайно увидел, как проворная фигура ловко перемахнула через стену во внутренний двор Дун-чана. Присмотревшись, он хмыкнул: надо же, какая ирония, это же их начальник.

Взглянув на озабоченных подчиненных, Чжао Сю горько усмехнулся: — Грядут перемены, грядут перемены.

Лихорадка у Хань Бинхуаня спала только под утро. Сюй Сы, у которого слипались веки, тоже разделся и лег рядом с пышущим жаром человеком.

Тепло, исходившее от его тела, проникало сквозь одежду, и Сюй Сы провалился в сон.

Ему снилось, что за ним гонится омерзительный монстр, а над головой у чудовища висит полная шкала жизни с тремя золотыми иероглифами: Хань Бинхуань.

Сюй Сы: «...»

Хуань-Хуань, как ты дошел до жизни такой? А-а-а, отойди от меня, ты меня пугаешь! Что, говоришь, я играл твоими чувствами? Хе-хе, ну, знаешь, у меня были свои причины...

Дзынь.

Системное уведомление: Хань Бинхуань активировал навык кровной мести против игрока Сюй Сы: 5, 4, 3, 2, 1.

Блеск клинков, потоки крови...

Сюй Сы в ужасе проснулся, ощупывая себя — руки-ноги на месте. Он облегченно выдохнул. Ох, мамочки, Хуань-Хуань во сне был просто кошмаром.

Повернув голову, он встретился с парой черных глаз, глубоких, как океанская впадина,

которые в темноте поблескивали странным холодным светом. Сюй Сы вздрогнул и чуть не подавился собственной слюной. Вспомнив недавний кошмар, он почувствовал, как по спине пробежал холодок...

Они молча смотрели друг на друга, их дыхание смешивалось. Сюй Сы, верный своей привычке спать как попало, закинул ноги на обнаженный мускулистый пояс Хань Бинхуаня, а руки крепко обвили его плечи, принимая того за одеяло, которое он обычно мучил по ночам.

— Когда ты очнулся? — Сюй Сы неловко потер нос, пытаясь бесшумно убрать свои ноги с его бедер. Но как только он начал движение, большая рука Хань Бинхуаня легла ему на спину, погладила вдоль позвоночника и, добравшись до поясницы, притянула его вплотную к себе. Идеально, ни единого зазора.

Сюй Сы приподнял бровь, пытаясь разглядеть выражение лица Хань Бинхуаня, но его голова была намертво прижата к крепкой груди. Он был вынужден слушать этот ритмичный стук сердца — бум, бум, бум, — который в ночной тишине звучал оглушительно.

— Кажется... около четверти часа назад, — голос Хань Бинхуаня, охрипший от болезни, звучал невероятно притягательно.

Грудная клетка вибрировала, когда он говорил, и это было похоже на массаж — вполне приятно. Сюй Сы потерся щекой о его грудь и решил подшутить: — Значит, господин Хань любовался мной целую четверть часа? Хе-хе, признавайся, ты очарован красотой этого главы ведомства?

— Ха-ха... — низкий смех Хань Бинхуаня заставил Сюй Сы на мгновение опешить. — Да, очарован.

Меня самого сейчас очарует... — Сюй Сы был в шоке. Хань Бинхуань сегодня вел себя крайне странно, он был невероятно нежен, словно тайно принял какую-то дурь. Не зря говорят, что во время болезни человек наиболее уязвим, его сердце легче всего открыть.

Хороший шанс! Перед глазами Сюй Сы забрезжил свет.

— Так что ты обсуждал с Чжаном Фэном? — он зевнул и спросил как бы невзначай, хотя в душе отчаянно ждал ответа.

По пути назад 2333 вкратце пересказал ему историю запутанных отношений Чжана Фэна и отца Хань Бинхуаня. Сюй Сы был впечатлен. Если бы Чжан Фэн сегодня рассказал эту печальную и трогательную историю, возможно, узел в сердце Хань Бинхуаня развязался бы.

В конце концов, за все время их общения Сюй Сы понял, что Хань Бинхуань лишь снаружи холодный, а внутри у него горячее сердце, он вовсе не бесчувственный чурбан.

Хань Бинхуань явно не хотел касаться этой темы. После долгого молчания он потерся подбородком о волосы Сюй Сы: — После того как разберемся с Пятым принцем, сходи со мной в храм Божо за городом.

— М? — промычал Сюй Сы, не сразу поняв, к чему это.

В храм? Зачем... в монахи податься?

— Хочу представить тебя матери.

На следующее утро Сюй Сы с восторгом обнаружил, что шкала упала до 21%. Дело близилось к финалу! Он начал исподтишка готовиться к отбытию, и в то же время его терзали смешанные чувства: радость, возбуждение и какая-то необъяснимая вина. Он стал заботиться о Хань Бинхуане еще нежнее, буквально пылинки с него сдувал.

Они часто смотрели друг на друга с глубоким чувством, обменивались понимающими улыбками, и в Бэйчжэньфусы буквально витал приторный дух любви. Гвардейцы уже привыкли к этому, и, завидев их идущими рука об руку, автоматически включали режим игнорирования.

Третьего числа десятого месяца Пятый принц Ци Чао в союзе с Дун-чаном, армией клана Ван и отрядом отборных наемников официально начал свой план по захвату власти.

Закулисный кукловод Ци Юань заявил, что его руки уже давно чешутся, он ждал этого дня так долго, что чуть не облысел!

Процесс, по мнению Сюй Сы, лучше всего описывался словами «полный хаос».

План заключался в том, что старик Ван Мяо со своей армией окружит город, а люди Дун-чана изнутри откроют ворота. Армия клана Ван была элитным подразделением, прошедшим сотни битв. Стоило им войти в город, как они стали бы подобны тиграм, спускающимся с гор.

Ци Чао же со своим отрядом наемников должен был пробраться во дворец, захватить наложниц и принцев, чтобы заставить Ци Юаня подписать указ об отречении и смене наследника. Если Ци Юань будет упрямиться, Ци Чао грозился убивать его любимых сыновей и жен у него на глазах.

План был грандиозным, но Ци Чао не учел одного: предательства Цзян Ина.

Трудно сказать, чья это заслуга — хорошей актерской игры Сюй Сы или того, что Ци Чао слишком доверял Цзян Ину, полагая, что тот так же сильно ненавидит Ци Юаня.

Что касается чувств к Ци Юаню, то Ци Чао испытывал к нему смесь уважения и страха. Несмотря на обиду за то, что отец не ценил его, он никогда не помышлял об отцеубийстве.

Но Цзян Ин был другим. Он годами притворялся, втайне ненавидя Ци Юаня до мозга костей. Вся его семья погибла от рук императора, а сам он был вынужден стать евнухом. Он ползал в грязи дворцовых интриг, плел сети, чтобы завоевать доверие Ци Юаня, лишь для того, чтобы в один прекрасный день вонзить нож в сердце своего врага.

Поэтому, даже когда на него надели белые одежды заключенного и бросили в темницу, Ци Чао не мог понять, как Цзян Ин мог предать его.

Армия Ван оказалась в ловушке, а Тайная стража Цзюньлань была окружена Гвардией Юйлинь. Ци Юань свысока взглянул на сына, в его глазах не было ничего, кроме презрения. Ни гнева, ни боли — лишь холод.

Перед тем как его увели, Ци Чао мельком увидел за толпой Цзян Ина и Хань Бинхуаня, уловив тонкую связь между ними.

Ци Чао знал, что проиграл. Его ждала либо смерть, либо пожизненное заключение.

Он также знал, что Цзян Ин тоже обречен.

В сумраке темницы он презрительно усмехнулся: Цзян Ину придется куда хуже, ведь его ждет только один финал — смерть.

Дело о мятеже Пятого принца Ци Чао рассматривалось совместно Министерством юстиции, Далисы и Ведомством цензоров. Процесс шел жарко и торжественно.

На взгляд Сюй Сы, все это выглядело как попытка раздуть пожар из искры. Ему вспомнился девиз их студенческой четверки: Какова наша цель? Творить хаос, хаос и еще раз хаос!

Действительно, что тут судить? Все пойманы с поличным, куча свидетелей и доказательств.

Спустя пару дней Сюй Сы понял: Ци Юань решил избавиться от Цзян Ина, повесив на него обвинение в мятеже, чтобы заодно уничтожить и его, и Ци Чао.

Найти улики против Цзян Ина было несложно. Он действительно был в одной лодке с Ци Чао и предоставлял убежище его наемникам. Если как следует поискать, то даже при его осторожности всегда найдутся следы.

Сюй Сы размышлял, почему Ци Юань так жаждет его смерти. Скорее всего, он узнал о двусмысленных отношениях между ним и Хань Бинхуанем. Чтобы сохранить баланс сил, кто-то из них должен был уйти.

Ци Юань выбрал — он решил сохранить Хань Бинхуаня.

Что ж, вполне логично.

В конце концов, как бы Ци Юань ни ценил Цзян Ина, он никогда не мог доверять ему до конца. Он сам когда-то уничтожил всю его семью. Волк, которого он вырастил, в любой момент мог вцепиться в горло. А раз так, то проще от него избавиться.

Сюй Сы понимал психологию правителя. Но одного он понять не мог: зачем же так жестоко? Зачем доводить до смертной казни? Снял бы с должности, и хватит.

Эх, ну раз смерть, значит смерть, Сюй Сы не боялся. Вот только перед смертью ему нужно было закончить миссию, остался всего 1%.

Не менее проницательным был и Хань Бинхуань. В отличие от Сюй Сы, который ждал своей участи, он сразу перешел к действиям.

— Господин Хань, ты пришел из-за Цзян Ина? — едва Хань Бинхуань вошел в кабинет, не успев даже поклониться, спросил Ци Юань, не отрываясь от бумаг.

Хань Бинхуань почтительно поклонился и опустился на колени: — Прошу Ваше Величество даровать ему жизнь.

— Жизнь? — Ци Юань хмыкнул и широким жестом смахнул стопку докладов со стола. На его лице отразился гнев: — Посмотри на эти прошения от чиновников! Они скоро задавят мой стол! Цзян Ин совсем распоясался, пользуясь моим снисхождением, творит что хочет!

Цзян Ин на своем посту наделал немало дел: устранял неугодных, подставлял других, позволял подчиненным торговать должностями. К тому же он был дерзок и любил унижать людей при всех. Тех, кто его ненавидел, было предостаточно. А теперь, когда отношение императора изменилось, все недоброжелатели тут же набросились на него, как свора собак.

К тому же, разве Ци Юань не знал о делах Цзян Ина? Многие из них были совершены с его молчаливого согласия. Ни один император не хочет видеть в своем дворе группировки. Ци Юань использовал руки Цзян Ина для устранения упрямых сановников, но теперь все эти дела стали «преступлениями» Цзян Ина.

Такова темная сторона политики.

Хань Бинхуань смотрел на разбросанные бумаги, нахмурившись. Спустя долгое время он произнес слова, которые привели Ци Юаня в ярость:

— Если Ваше Величество твердо решило лишить его жизни, то я прошу об отставке и навсегда удалюсь от двора.

Ци Юань с недоверием уставился на Хань Бинхуаня, который даже на коленях держался с достоинством. В его глазах удивление перекрыло гнев: — Дерзость! — он ударил по столу, и слуги-евнухи тут же упали на колени. — Ты угрожаешь мне?

— Не смею, — Хань Бинхуань был спокоен, но его позиция была тверда.

Любовь Ци Юаня к Хань Бинхуаню была известна всем. Именно за его прямоту и преданность император доверил ему Цзиньвэй.

Умение разбираться в людях — это ремесло, которое императоры осваивают с рождения. Ци Юань редко ошибался, и Хань Бинхуань был для него книгой, которую легко прочесть.

Но сейчас этот человек, похоже, увяз в болоте по самые уши.

— А если я не приму твою отставку и все равно прикажу казнить Цзян Ина? — голос императора давил, лишая дыхания.

В одно мгновение страх потерять любимого человека обрушился на него со всех сторон, в сердце словно образовалась кровоточащая рана, в которую ворвался ледяной ветер.

Он промолчал.

Два дня спустя.

Сюй Сы был снят с должности, но допроса не последовало.

В тот момент, когда он принял указ, он почувствовал странную легкость.

Евнух, зачитывавший указ, с отвращением плюнул в его сторону и, виляя бедрами, удалился.

Сюй Сы вытер лицо, подумав, что Цзян Ин, должно быть, когда-то сильно его обидел.

Раз в Дун-чане ему больше не рады, он отправится в Бэйчжэньфусы.

Только дойдя до ворот, он увидел знакомый силуэт, который вел под уздцы черного скакуна и оглядывался по сторонам.